

вовсе не означает отсутствия осознанной ориентации на прецедентный текст. Однако в любом случае привлечение контекста творчества русского писателя вполне оправдано совпадениями в образных системах этих двух художников и несомненно способствует прояснению смысловой стороны притчи датского режиссера. Причем в отношении материала, насыщенного сложной символикой и шокирующими сценами, способными отвлечь реципиента от усилий по пониманию смысла, эффективность такого взаимосоотнесенного восприятия оказывается особенно явственной.

Долин А. Интервью с Ларсом фон Триером. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml (дата обращения: 20.04.2014).

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. М., 1991.

Касаткина Т. А. Характерология Достоевского : Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М., 1996.

Торсен Н. Меланхолия гения : Триер: жизнь, фильмы, фобии. М., 2013.

Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой. СПб., 1998.

УДК 82.091 + 821.161.1 + 821.512.122

Н. У. Илина

ПРОБЛЕМА РУССКО-КАЗАХСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Проблемы взаимодействия различных культур, литератур в современном литературоведении переходят в плоскость новых научных понятий и интерпретаций: «диалога культур» (М. Бахтин), «интертекстуальности» (Ю. Кристева), «литературной рецепции» (структурализм), определивших содержание новейших литературоведческих исследований.

В казахстанском литературоведении последних десятилетий проблемы литературных связей рассматриваются в русле европейских

научных концепций. Достаточно назвать литературоведческие монографии и исследования [см.: Жетписбаева, 1999; Исмакова; Джуанышбеков; Шарипова].

Проблема русско-казахских литературных связей — одна из ключевых в сравнительном литературоведении. Истоки изучения ее восходят к историко-литературоведческим разысканиям старейших литературоведов — М. И. Фетисова и К. Ш. Кереевой-Канафиевой, в исследованиях которых представлена галерея русских писателей XIX в., актуализировавших в своем творчестве малоизвестные аспекты «казахской темы» (А. С. Пушкин, В. А. Ушаков, В. И. Даль, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др.).

Для казахской культурной среды XIX–XX вв. русская классика явилась той единственной инстанцией, тем мощным духовным, нравственным и эстетическим зарядом, который изменил ее внутренний потенциал, национальное мироощущение и народное самосознание.

Одной из главных предпосылок зарождения казахской интеллигенции начала прошлого столетия стало усиленное проникновение в казахскую среду передовых демократических идей русского общества XIX–XX вв. — и именно благодаря произведениям литературы.

Неподелельный интерес проявляли читатели к сочинениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, чьи произведения переводились на казахский язык А. Кунанбаевым, И. Алтынсариним, А. Байтурсыновым, М. Жумабаевым и др.

Произведения русской классики публиковались в конце XIX–XX вв. на страницах казахских газет и журналов («Казах», «Айкап», «Дала уаялаты»). Впервые на казахском языке зазвучали поэтические произведения Пушкина, Лермонтова в переводе А. Кунанбаева, И. Жансугурова, А. Байтурсынова; рассказы «Булька», «После бала», «Будда» Л. Толстого в переводе М. Ауэзова; «Дубровский», «Метель» Пушкина, «Ассирийский царь Асархадон» Л. Толстого в переводе Ш. Кудайбердиева; «Грач» Чехова в переводе А. Баржакина, «Хамелеон» в переводе А. Букейхана.

И. Алтынсарин, поэт, педагог-просветитель, перевел на казахский язык произведения Л. Толстого и включил в свою «Киргизскую хрестоматию» рассказы «Китайская царевна Силинчи», «Царь и рубашка», «Праведный судья», «Визирь Абдул», «Три вора»,

«Пожарные собаки». Это были рассказы, написанные на сюжет восточных преданий и сказок.

С. Кубеев, видный казахский поэт, прозаик, педагог, также осуществил перевод на казахский язык произведений Л. Толстого: «Лгун», «Богач-барин и бедный портной», «Муравей и голубка», «Осел и лошадь», «Старый дед и внучек».

Произведения русской классики транспонировались в казахскую культуру через переводы. Художественный перевод — это не только воспроизведение содержания оригинального произведения, но и творческое освоение художественного опыта писателя, индивидуальное прочтение и интерпретация текста чужой культуры.

Введенный структуралистами в научный обиход термин «рецепция» успешно осваивается современным литературоведением. Под ним понимается восприятие явлений и понятий одной культуры представителями другой культуры. Актуализация данной проблематики вызвана прежде всего социально-политическими и экономическими процессами, происходящими в каждой отдельной стране бывшего СНГ. В этих условиях все более очевидной становится необходимость пересмотра прежних позиций и установок относительно развития национальной истории и литературы. С начала 80–90 гг. XX в. культуры народов СНГ переживают новый этап национального возрождения. Подлинная картина развития национальной литературы обретает все более зримые очертания.

Казахская литература на протяжении всей своей истории всегда испытывала благотворное влияние мировой и русской литературы. Пожалуй, нет ни одного писателя или поэта, в чьем творчестве не прозвучали бы мотивы и образы русской и зарубежной литературы. Взаимодействие культур — процесс естественный и закономерный. Он предполагает не только прямое включение определенных тем, мотивов, образов, но и творческое освоение их в условиях новой воспринимающей их культуры. Каждый писатель стремится к индивидуализации своего творчества. Следовательно, прямое подражание, буквальное заимствование исключают возможность достижения самобытности авторского творения.

К числу авторов, испытавших благотворное влияние русской поэзии, относится М. Жумабаев, казахский поэт-символист, ученик В. Брюсова. Выпускник духовной семинарии, М. Жумабаев питал

особый интерес к произведениям русской классики. Духовное родство казахского поэта с представителями русской поэзии начала XX в. (К. Бальмонт, Д. Мережковский, А. Блок) обусловило и сходство их эстетических взглядов и интересов. Талантливый поэт, переводчик и общественный деятель, М. Жумабаев всем своим творчеством продемонстрировал яркий образец творческого освоения опыта русских поэтов-символистов. «Поэтическая мысль Магжана предельно насыщена историко-литературными ассоциациями, аллюзиями, реминисценциями, “в культурном наследии веков” он сумел вобрать в себя все лучшее и неподдельное, выявить тот духовный уровень, который наиболее органично соответствовал состоянию его ума и души...» [Жетписбаева, 1994, с. 182–183].

Блестящий знаток русской классической поэзии, М. Жумабаев мастерски использует поэтический опыт предшественников. Творчески осваивая образно-поэтическую систему А. Пушкина, А. Блока, Д. Мережковского, К. Бальмонта, казахский поэт создает совершенно новые поэтические произведения, ничуть не уступающие шедеврам мировой литературы. Поистине художественным открытием М. Жумабаева можно считать образ-мотив дороги, столь широко популярный в русской поэзии XIX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов).

А. Пушкин

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она...

М. Жумабаев

Ночь. И буран свиреп.
Мертвая голая степь,
Заметены пути,
Ни огня впереди...

Романтическая картина вызывает настроение душевного покоя и умиротворения. Лирический герой находится в предвкушении встречи с возлюбленной («Скучно, грустно... завтра, Нина, / Завтра, к милой возвратясь...»).

Творчески осваивая поэтический опыт А. С. Пушкина, М. Жумабаев создает оригинальные и совершенные по художественной значимости произведения. Мотив дороги, ведущий в лирике казахского поэта, соотносится с мотивами блужданий, одиночества, разочарования лирического героя. Пафосом пробуждения пронизано стихотворение «Весной» М. Жумабаева; в нем мы находим переключки со стихотворением Пушкина «Зимнее утро».

А. Пушкин

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

М. Жумабаев

«День настал! Тебе ж все спится,
Озорница... Баловница!
Пробудись, ягненок мой,
Сон стряхни, лицо умой!» —
Так Заря будила Землю,
А Земля лежала, дремля
В блеске утренних лучей.

Поэтическая система Пушкина блестяще воспроизведена казахским автором. Здесь есть все: и пафос жизнерадостности, и восторженное переживание событий, и нежность чувств лирического героя. М. Жумабаев испытывал внутреннее тяготение к поэзии А. Блока, о чем свидетельствуют переводы цикла Стихов о Прекрасной Даме, а также стихотворение-посвящение «Александр Блок».

В лирике М. Жумабаева преобладают темы и образы, созвучные поэзии К. Бальмонта, поэта-символиста «старшего поколения». Так, создавая цикл «Огонь», казахский поэт отталкивался от идейно-образной организации цикла «Будем как Солнце!» К. Бальмонта. «Огненный» цикл М. Жумабаева составляют стихотворения «Огонь» («От»), «Пророк» («Пайғамбар»), «Восток» («Күншығыс»). Образ огня — образ-символ новой эпохи. В цикле образ огня представлен в различных вариациях: пламя, луч, блик, искра. В некоторых случаях поэт прибегает к образным выражениям: «огненный взор», «огненный поцелуй»... С образом огня соотносятся солнце, рассвет, заря. Образ огня приобретает многозначный смысл: огонь — это поэт, подобно ему, очищающий мир, дающий знания народу. Цикл «Огонь» М. Жумабаева вызывает ряд ассоциаций с произведениями русской литературы: «Солнце-сердце» Вяч. Иванова, «Золото в лазури» А. Белого, «Необычайное приключение...» В. Маяковского. Стихотворения «Мое желание», «И меня ты, смерть, убавляй» М. Жумабаева явно отсылают к лирике Д. Мережковского. В то же время поэзия М. Жумабаева индивидуальна, самобытна и являет собой новое слово в казахской поэзии начала XX в.

Более глубокий и осмысленный шаг в творческом освоении русской классики, в частности, наследия Л. Толстого совершил другой казахский поэт и философ Ш. Кудайбердиев. По определению литературоведа А. Исаковой, Шакарим «в своих произведениях осуществил

качественно новый синтез европейских и восточных литературных традиций и совершил переход от классического стиля к стилю реалистической литературы» [Исмакова, с. 281–282]. Своим духовным учителем и наставником Шакарим считал Абая, воздвигшего его на поэтический Олимп еще в молодые годы. По совету учителя Шакарим самостоятельно изучает литературу, философию, историю мировых религий, совершает хадж в Мекку, Медину. Путешествия, поездки, знакомство с достижениями мировой культуры значительно обогащают творческие замыслы и идеи будущего поэта. В стихотворении «Смолоду турецкий изучил я не от скуки» Шакарим открыто заявляет о своей приверженности идеям русского писателя: «И от слов не отрекаюсь, / Ученик я Льва Толстого...» Факты дружеской переписки Шакарима с классиком русской литературы упоминаются в трудах старейшего литературоведа Ш. Сатпаевой.

Ш. Кудайбердиев впервые осуществил перевод произведений Л. Толстого на казахский язык. Из всех сочинений классика он выбирает лишь некоторые рассказы, в том числе «Ассирийский царь Ассархадон», «Три вопроса». Выбор именно этих произведений оказался вовсе не случайным. Для казахского писателя, равно как и для Толстого, наибольший интерес представляют проблемы взаимоотношений личности и общества, внутренний мир человека, его духовные искания, которые чаще оборачиваются глубоким разочарованием в жизненных идеалах, чувством одиночества и бессмысленности существования. Именно такими настроениями пронизаны философские стихотворения казахского поэта «Без сердца истина — обман», «Был рожден...», «Исповедь». Тематика стихотворений отражает авторские пристрастия: понятия долга, чести, совести становятся ведущими константами поэтических откровений Шакарима. Как и Л. Толстой, Шакарим открыто выражает свой протест против духовенства, изобличая его невежество, лицемерие и ложь. «Толстой близок поэту не только своим творчеством, но и жизненными поступками, поиском и утверждением человеческих ценностей и философским отношением к религии» [Исмакова, с. 283].

Как известно, русский писатель в конце жизни покинул свой дом, семью, стал отшельником, что вполне приемлемо для христианской религии. Ш. Кудайбердиев совершает беспрецедентный, нетипичный для мусульманина шаг: он оставляет семью, уходит в горы и живет

некоторое время в полном одиночестве. Вдали от мирской суеты он пишет философские сочинения, к которым относятся «Записки Забытого».

Литературный дебют Ш. Кудайбердиева отмечен созданием лирических стихотворений и рассказов, объединенных в цикл с поэтическим названием «Сад роз» («Бәйшешек бакшасы»). Глубина философского осмысления, притчеобразная форма повествования, афористичность языка характеризуют поэтику рассказов писателя.

Освоение романного жанра Л. Толстым, как известно, завершилось созданием крупных произведений, ставших вершиной его творчества («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»). Ш. Кудайбердиев пишет роман «Адилъ и Мария», сюжетно и тематически перекликающийся с романом «Анна Каренина» Л. Толстого. Сходство произведений обоих авторов прослеживается и в постановке остро-социальных, вечных философских и нравственных проблем. Можно утверждать, что литературный опыт Л. Толстого позволил казахскому писателю Ш. Кудайбердиеву создать совершенные в художественном плане и оригинальные в авторском решении произведения казахской классики.

Образы и мотивы русской классики прослеживаются в творчестве классика казахской литературы М. Ауэзова. Участь в семинарии, Ауэзов с большим интересом читал произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, и образы, увиденные им в произведениях русской литературы, подсказали создание произведений на родном языке.

Замысел романа о великом Абае возник в 1936 г., когда Ауэзов опубликовал небольшой рассказ «Как Татьяна запела в степи». Сюжетную основу рассказа составило повествование об одной странице биографии поэта, задумавшего донести до казахских читателей шедевр русской литературы — роман в стихах «Евгений Онегин». По сути, с этого рассказа начинается творческая история произведения казахского романиста.

Ауэзов не только занимался переводами произведений Пушкина, но и использовал поэтические приемы создания образа. Так, казахскому писателю удалось создать инфернальные образы природы (ураган, метель, вьюга), которые переходят из одного рассказа в другой («Степные картины», «Сиротская доля», «Сирота»), а также встречаются в романе-эпопее «Путь Абая». Дорогой образ бабушки Зере, чья

доброта и забота о маленьком внуке так трогательно описаны на страницах романа-эпопеи, созвучен поэтическому образу няни Пушкина.

Немалый интерес питал Ауэзов к поэзии Лермонтова. Писательский стиль Ауэзова соединяет в себе элементы психологического реализма и страстного романтизма, присущих художественному стилю Лермонтова.

Ауэзов был горячим поклонником наследия Н. Гоголя, знал и восхищался творениями великого драматурга, одним из первых казахских писателей создал драматические произведения. В 1918 г. им написана драма «Енлик-Кебек». Принципы гоголевского театра прослеживаются и в драматургии Ауэзова.

Широта интересов и пристрастий Ауэзова убеждает в том, что казахский писатель испытал влияние многих предшественников, в числе которых был И. Тургенев. Огромное впечатление произвели на него рассказы «Муму», «Степь», цикл «Записки охотника». Сюжетные линии рассказа «Муму» повторяются в эпизоде смерти Исы из эпопеи «Путь Абая». Поэтические описания природы, представленные в рассказах «Степные картины» Ауэзова, подкупают своей искренностью и простотой реалистического описания.

Наибольшее влияние на Ауэзова, безусловно, оказал Л. Толстой. Духовные искания, отраженные в книгах русского писателя, определили содержание жизненного и творческого пути казахского писателя. И тому есть доказательство, приводимое автором в своих воспоминаниях: «Вы думаете, легко мне было в старометодном медресе. И вот мало кому известно, что во время учения в Семипалатинской учительской я увлекся толстовством». Некоторые факты биографии, зафиксированные исследователями творчества казахского прозаика, подтверждают духовное родство Ауэзова и Л. Толстого. Так, в юношеские годы Ауэзов с интересом читает произведения «Хаджи Мурат» и «Анна Каренина». Одержимый идеей самоусовершенствования личности, он обращается к сочинениям, которые вошли в «Круг чтения» Л. Толстого. Из всего «Круга...» он выбирает наиболее близкие ему по духу и значимые по содержанию рассказы: «Будда», «После бала», «Булька». Работа над переводом повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат» так увлекла казахского прозаика, что впоследствии образ главного героя — бунтаря-одиночки — вызвал к жизни его повесть «Выстрел на перевале».

В 1958 г. М. Ауэзов получает от дирекции музея-усадьбы «Ясная Поляна» письмо следующего содержания:

Дорогой тов. М. Ауэзов! Не могли бы Вы выступить в музее-усадьбе «Ясная Поляна» на Толстовских чтениях 9 сентября с. г., посвященных 130-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, по вопросу о связи Л. Н. Толстого с литературами народов Востока. Несомненно, что тему Вы назвали бы сами. Вы доставили бы большое удовольствие всем участникам чтений, сказав свое слово о великом писателе, так высоко чтившем народ Востока [цит. по: Исмакова, с. 474].

Масштабность, эпическая широта, стремление охватить историю и современность во всем разнообразии и величии сближают мировоззрение М. Ауэзова и Л. Толстого. Создавая роман-эпопею «Путь Абая», казахский писатель вновь опирался на опыт своего предшественника, чьи произведения ранее переводил на казахский язык. Что привлекло внимание казахского прозаика в творчестве Л. Толстого? В первую очередь, постановка нравственных и духовных проблем. Что есть красота? В чем смысл жизни человека? Какова роль религии в обществе? Подобно тому, как Л. Толстого интересовали исторические личности, сыгравшие заметную роль в истории России, внимание Ауэзова привлекла фигура Абая, ставшего провозвестником новой эпохи. Возникновение замысла романа-эпопеи, длительная работа над его созданием, поиски источников, свидетелей, переработка фактического материала, изменения и корректировки в ходе работы — все это вехи одного большого творческого труда.

Л. Толстой в первоначальном замысле задумал написать роман о декабристах, но в ходе реализации авторского замысла рамки повествования вышли за пределы обозначенной темы. И впоследствии роман был преобразован в эпопею «Война и мир», запечатлевшую четверть века в истории России. Аналогичный путь рождения прошел роман-эпопея «Путь Абая» Ауэзова. Первоначально он назывался «Абай» и состоял из одной книги. Но по мере накопления фактического материала замысел произведения расширялся. Сюжет его охватывал не только историю самого героя, но и вековую историю казахского народа. Путь, пройденный героем вместе с народом, это путь великих свершений и открытий эпохи. В творчестве Л. Толстого и Ауэзова мотивы поиска, ухода и возвращения героев приобретают

поистине глубокий философский смысл, раскрывающий идею нравственно-эстетического и духовного совершенствования личности.

Особый интерес Ауэзов питал к творчеству А. П. Чехова. Один из первых рассказов Чехова «Белолобый» был переведен им на казахский язык. Неудивительно, что образы животных впоследствии были воссозданы Ауэзовым в его новелле «Коксерек» («Серый Лютый»). Художественный опыт Чехова-рассказчика привлек внимание Б. Майлина, Г. Мусрепова. Рассказы Б. Майлина отличаются тонкой иронией, мягким юмором, которые были свойственны Чехову-новеллисту. Композиционная стройность, сжатость, лаконичность стиля, создание сценических миниатюр Г. Мусрепова напоминают чеховскую манеру письма.

Особую страницу в истории русско-казахских литературных связей представляет творчество М. Горького, чей опыт осваивали казахские писатели и поэты начала XX в. С. Муқанов, И. Жансугуров, С. Сейфуллин, Б. Майлин и др. С. Муқанов, в частности, писал: «На меня незабываемое впечатление произвели его книги “Детство”, “В людях”, “Мои университеты”. Они побудили меня к созданию повести “Школа жизни”. В книгах я увидел большое сходство тяжелой скитальческой судьбы молодого Горького и моей батраческой юности. Но, разумеется, не только это заставило меня написать автобиографическую повесть. Горький изумил меня своим непревзойденным художественным мастерством, свежестью и выразительностью языка, выпуклостью созданных им образов» [цит. по: Сатпаева, с. 89–90].

Символика горьковских романтических образов, их сказочно-возвышенный характер привлекли внимание казахских писателей-переводчиков. Сказочный колорит повествования, героические образы, яркая гипербола, поэтический пейзаж, пафос борьбы — все это было близко вековым традициям казахской культуры. Из произведений М. Горького на казахский язык переведены «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Старуха Изергиль», «Челкаш», «Сказки об Италии» и др.

С. Муқанов, создатель автобиографического романа «Школа жизни», впервые в казахской литературе обратился к жанру автобиографии и ввел тему детства.

Не без влияния М. Горького создавал рассказы о матери писатель Г. Мусрепов, осуществивший перевод на казахский язык некоторых горьковских рассказов. Романтические повести и рассказы русского

писателя побудили казахского прозаика создать рассказы о матери: «Аклима», «Мужество матери», «Материнский гнев» и др. Создавая роман «Солдат из Казахстана», Мусрепов использовал опыт предшественника. Мастер художественного слова, блестящий знаток народной жизни, писатель Мусрепов сумел воплотить в образе главного героя Кайроша черты молодого поколения, пережившего суровые годы войны. Емкость портретной характеристики, отточенный стиль повествования и богатый поэтический язык придали произведению казахского романиста неповторимую интонацию и особый национальный колорит.

Литературный опыт Л. Толстого стал точкой отсчета и для А. Кекильбаева, казахского прозаика, представителя поколения 60–70 гг. XX в. Доказательство тому — перевод на казахский язык романа-эпопеи «Война и мир», выполненный казахским прозаиком. Будучи автором исторических повестей и романов, А. Кекильбаев проявляет живой интерес к произведению великого классика русской литературы. В одном из интервью он подчеркнул, что его переводческие «происки» есть своего рода проверка своих творческих возможностей, и занятия переводами во многом способствуют обогащению его писательского опыта. Следствием этого стали произведения автора, в которых прозвучали толстовские темы, образы и мотивы. Яркое тому доказательство — повесть «Бэйгеторы» (в русском переводе — «Призовой скакун»), сюжет которого напоминает повесть Л. Толстого «Холстомер». В центре повествования — история животного, ставшего объектом жестокого обращения людей. Призовой скакун Кекильбаева, как и толстовский Холстомер, становится жертвой человеческой жестокости. Глазами живой природы показан мир человеческих отношений. В повести «Баллада забытых лет» можно обнаружить пушкинские темы и образы: власть и личность, личность и история, власть и искусство. Сюжетная линия повести — история вождя туркмен Жонеута, пославшего своих сыновей на верную гибель, напоминает строки из стихотворения Пушкина «Анчар»: «Но человека человек / Послал к Анчару властным взглядом». Главный герой повести Жонеут символизирует ядовитое древо, источающее яд — зло. По его вине народы враждуют, погибают в неравной схватке молодые воины.

В современной литературе Казахстана образы и мотивы русской классики по-прежнему становятся главным источником вдохновения.

Таков роман «Круг пепла» Д. Накипова, интегрирующий духовные ценности казахской, русской и западноевропейской культуры, лирика Б. Канапьянова, осмысливающего факты пушкинской поэзии («Бахчисарайский фонтан»), «малая» проза М. Асановой, апеллирующая к образам пушкинской поэзии: «Травой заросла знаменитая тропинка» («Колодец с медом»), лирика Е. Жумагулова, поэтический сборник которого «Ерболдинская осень» также отсылает к образам русской поэзии (А. Пушкин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Бродский).

Вот пример из Е. Жумагулова:

Я вернулся в мой город...
 ...Ну такой пейзаж из-за стекла,
 Что чернил достать пора и пла...
 ...жизнь не сестра скорее, а подруга...

Позвони мне... Грядущее
 Имеет склонность иногда не наступать окончательно
 (в этом смысле, не надо быть Берлиозами —
 Масла и Аннушек хватит на всех).

«Пушкинско-пастернаковские» интонации присутствуют и в лирике современного поэта Б. Канапьянова:

Б. Пастернак

В стихи б я внес дыханье роз,
 Дыханье мяты,
 Луга, осоку, сенокос,
 Грозы раскаты.
 Мело, мело по всей земле,
 Во все пределы...
 ...И воск слезами с ночника
 На платье капал.

Б. Канапьянов

Творит гармонию листа
 Весь хаос леса.
 И в нем невидима черта
 Противовеса.
 Метель в душе моей мела...
 Вновь язычком свечи смахнув
 Слезинку воска,
 Сквозь время на года
 Наносит ворожбу.

Таким образом, анализ произведений казахской литературы XX в. в аспекте поэтики восприятия ею русской классики позволяет сделать выводы, суть которых можно сформулировать следующим образом:

– произведения русской классики становились достоянием казахских читателей благодаря профессиональному мастерству переводчиков, в числе которых были выдающиеся писатели и поэты начала XX в. М. Жумабаев, И. Алтынсарин, Ш. Кудайбердиев, М. Ауэзов, Г. Мусрепов и др.;

– наибольший интерес для переводчиков представляли произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Крылова, Л. Толстого, А. Чехова;

– казахские писатели и поэты творчески осваивали опыт русских предшественников; заимствуя темы, образы, мотивы русской классики, они наполняли их новым содержанием, сохраняя при этом национальный колорит казахской литературы;

– казахская литература синтезирует достижения русской классики и являет миру новые оригинальные произведения, которые становятся достоянием и отечественной культуры, и мировой общечеловечности. Свидетельство тому — литература нового тысячелетия, представленная именами писателей и поэтов А. Кекильбаева, Д. Исабекова, М. Магауина и др.;

– для представителей постмодернистского течения Д. Накипова, А. Кемельбаевой, Б. Канапьянова, Е. Жумагулова образы русской и мировой классики являются константами культурной памяти, объектами поэтического переосмысления, полемики, «игры слов» и всевозможных поэтических приемов и трансформаций.

Джуаньшибеков Н. Пушкин и Казахстан. Алматы, 2006.

Жетписбаева Б. А. Символ в движении литературы. Алматы, 1999.

Жетписбаева Б. Огненная лира поэта : К 100-летию Магжана Жумабаева // Простор. 1994. № 3. С. 182–190.

Жумагулов Е. Ерболдинская осень. Астана, 2006.

Исмакова А. С. Казахская художественная проза : Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). Алматы, 1998.

Канапьянов Б. Избранное : в 2 т. Алматы, 2011. Т. 2.

Сатпаева Ш. К. Веяние времени : статьи. Алматы, 2000.

Шарипова Г. А. Интертекстуальное пространство литературы (диалоги русской литературы XIX — начала XX вв. и казахской литературы XX в.). Астана, 2007.